

— Вы вернулись не так давно, но я рада, что вы снова рядом со мной.

Только через пару дней Элеора собрала нас в своем кабинете для переговоров. Сейчас тут отключены светильники, поэтому комната больше напоминает логово злодея.

За столом я, Мао, Паркер, Лукко, а также сама Элеора, ее помощник Борщ и Наталья. Элеора сделала глоток сладкого чая с ликером и томно вздохнула.

— Вы вернулись, и я наконец-то смогла спокойно выдохнуть. Мао и Паркер часто помогали мне, но я все равно волновалась и чувствовала себя как не в своей тарелке.

— Ты так говоришь, словно за это время случилось что-то ужасное.

— Ничего такого, просто пришлось много работать.

Верно, ей приходится работать слишком много. После пятиминутного ласкового приветствия Элеора натянула на себя маску серьезности и сказала:

— Нам нужно беспокоиться о главе дома Большевиков. Бывший глава ушел в отставку несколько лет назад, а сейчас его сменил на посту средний сын Чарли.

— Рейкан мне говорил, что этому парню лучше не доверять.

В письме Йови не было какой-либо информации, он только уточнил, что благодарен мне за помощь, а также попросил передать по случаю слова благодарности Рейкану.

Я пересказал Элеоре о нашей встрече с Чарли, и Борщ нахмурился.

— Герцог Большевиков, вероятно, пытается играть в свою игру, он уже сделал первый ход, а теперь пытается продолжить.

Элеора только утвердительно кивнула.

— Да, он странный человек. Бросил своих союзников в самый ответственный момент, а теперь без колебания пытается помогать нам. Что-то тут не чисто!

Я более чем согласен с ней, нужно присматривать за вот такими странными личностями.

— Необходимо собрать как можно больше информации, поскольку именно с ней мы сможем выиграть эту войну.

Паркер и Лукко внимательно следили за мной.

— Он странный человек, — продолжил я, и все удивленно посмотрели на меня. — Чарли пытается заботиться о своем доме, защищает своих людей, и аристократов северной империи. Он делает свои ходы, чтобы защищать других и по-настоящему переживает за Рейкана и Люньера.

Бывают такие люди, чьи чувства противоречат друг другу: с одной стороны, он ужасный человек, а с другой, все его действия так или иначе направлены на разрешение конфликтов и мир в обществе.

— Он странный человек, за ним нужно наблюдать, но называть его настоящим злодеем пока что рано.

Лукко сидит рядом со мной и жует большую лепешку, держа ее обеими руками.

— Хочешь сказать, он просто ударился головой?

— Возможно, в любом случае, парень странный.

Да, он действительно странный. С одной стороны, быть сострадательным, а с другой чудовищем, ненавидящим других и явно искупавший свои руки в крови. Я чувствую, что этот парень не такой, каким пытается казаться, но не хочу записывать его в злодеи, пока у меня нет весомых доказательств.

— Наталья, а что ты думаешь об этом человека с точки зрения религии вашего государства?

Наталья так же пила чай с булочками, но оторвалась от этого и ответила:

— Этот человек соблюдает все каноны нашей религии, ничего более сказать не могу.

Как всегда, ничего интересного. Элеора только улыбнулась и посмотрела мне в глаза.

— Никто не пойдет против церкви в такое время. У любого аристократа, правящего большим домом, есть чувство самосохранения, и становиться врагом церкви при ее влиянии не хочется никому.

Это правильная позиция, но она мешает нам продолжать наши действия. Разумеется, даже мы сейчас не можем противиться власти церкви.

— Возможно, что он сожалеет о своем предательстве, но прекрасно понимает, что по-другому

поступить не мог? В любом случае, нам нужно больше доказательств его вины, а уже потом вступать с ним во вражду.

— Я тщательно изучил документы, что Вы мне прислали. Днестровская семья долго собирала бумаги против Большевиков, и я скажу Вам, тут есть многое, что так или иначе связано с нарушением религиозных правил империи.

Наталья удивленно посмотрела на торговца.

— Хочешь сказать, что он был неверным?

Мао пожал плечами.

— Об этом нам придется поговорить потом, но раз документы попали сюда, значит, они важны. Я могу сказать только одно, церковь часто отправляла запросы к старому герцогу Большевику с просьбой продать им часть земель около территорий Днестров.

Зачем церкви просить продать землю около территорий семьи Днестровых? У меня появилась одна гипотеза.

— Что если, семья Большевиков и Днестровцы язычники?

Элеора и Наталья тут же задумались, и только через пару минут обе кивнули.

— Это вполне возможно!

Только в разговор вмешался Борщ.

— В северной империи была такая религия как поляризм, но после войны она полностью исчезла и больше об этом никто не вспоминал.

— Когда мы разговаривали с Рейканом, он упомянул, что в империи было две религии и что победила перевозносившая людей. Может быть Большевики и Днестровцы язычники или просто их потомки?

Если это так, то на севере достаточно много людей, поклоняющихся другой религии. После смены власти и прихода на север других аристократов, им придется прятаться еще больше.

Отошла бы территория Большевиков другим аристократом, язычники потеряли бы возможность прятаться на севере.

— Мы дураки, — Элеора не сразу поняла смысла сказанных мной слов. — Если они язычники, то раскрытие для них еще более опасно, чем восстание. С одной стороны, из-за восстания могут пострадать только аристократы и полететь несколько голов, но если кто-то узнает, что на севере проповедуется другая религия, может начаться массовое истребление жителей северной империи.

Тогда Лукко поставил свой стакан с чаем и сказал:

— Получается, что нам нужно только вынести эту информацию в массы?

— Нет, это еще не доказательство язычества. Чтобы рассказать об этом массам, нужно найти доказательства весомее. Документы из секретной комнаты Ивана невозможно так легко раскрыть, их могут легко признать подделкой.

Иван мог использовать эти документы, а вот для меня это только источник информации. Также меня начала беспокоить вся эта система, и если даже сейчас они продолжают проповедовать язычество, то они все еще ограничены своими городами.

Хорошо.

— Лукко прав, нам нужно найти данные, чтобы обнародовать информацию о существовании язычников на севере.

— Не ты ли говорил, что не хочешь войны?

Лукко как всегда прав, несмотря на свой скверный характер и слабость к женской красоте, он остается гениальным животным.

— Мы не будем устраивать крестовых походов, но если такие новости всплывут, а в моих руках будет доказательство, семья Большевиков окажется обязанной подчиниться нам.

— Ты хочешь сделать их своими рабами? Гениально, мой брат по несчастью.

Несчастьем он называет годы, когда мы учились у Гомовиры.

— Несмотря на мой вид, впервые меня начали уважать, называя «защитником паломников».

— Ты же оборотень, как ты защищал паломников?

Мы не преследовали никакие религии и разрешали людям покидать города, чтобы совершить паломнические обряды. Человек мог верить в любого бога, единственным правилом было

запрещение насильственного втягивания в свою веру.

Когда мы начали этим заниматься, о существовании империи я даже не знал.

Элеора только посмотрела на Борща и утвердительно кивнула.

— Пожалуйста, свяжись с моим священником, я хочу увидеть его прямо сегодня.

— Есть!

Борщ быстро допил чай и покинул комнату.

У каждого влиятельного аристократа есть свой священник, через которого можно связаться с высшими чиновниками из церкви и даже с самим кардиналом.

Элеора улыбнулась, взглянув в мои глаза.

— Мы можем доверять этому человеку, он хороший.

— Буду надеяться на Вас! Сейчас нам нужны рычаги давления на Большевиков.

Только Наталья выглядела мрачной, как туча. Хотя она и являлась частью религиозной общины этого мира, но давно утратила связь между богом и своим сердцем. Именно Элеора стала для нее новой богиней, что, несмотря на свои титулы и проблемы, поддерживает Наталью и ее семью.

Мне сложно принимать ее проблемы, но даже я буду осторожным. Атеистам всегда тяжело общаться с религиозной братией, у нас слишком разные взгляды на этот мир, чтобы вести душевные беседы за кружкой чая.

<http://tl.rulate.ru/book/3549/712564>